

*С любовью посвящается
моей семье*

Глава первая

Выкрашенную белой краской дверь украшали изящный медный ящик для писем и дверной молоток из того же металла. Стоя перед дверью, пытаясь набраться храбрости, Фрэнки Карлайл чувствовала сладкий аромат неярких бархатистых роз, карабкавшихся вверх по стене дома. Ее непокрытую голову согревало теплое летнее солнце. Бриз доносил до нее крики и смех с ближайших спортплощадок и негромкий шум кольцевой дороги вдалеке. «Давай же, — сказала себе Фрэнки. — Это тот самый момент. Именно о нем ты думала последние шесть месяцев. Ты собираешься постучать или нет?»

Этим утром она вышла из дома, преисполненная решимости, чувствуя, что готова. Всю дорогу по гудронированному позвоночнику страны, через центральные графства Англии в Йоркшир, Фрэнки так крепко сжимала руль, что пальцы у нее свело судорогой, стоило ей взяться за рычаг ручного тормоза. Крэйг предлагал ей ехать поездом — говорил, что так намного быстрее, и даже принялся искать в телефоне расписание, — но Фрэнки предпочла собственный автомобиль. Он пригодится, если вдруг придется уносить ноги.

Миля шоссе, заправочные станции и поток машин остались позади, и воспоминания о пути на север уже померкли в ее мыслях по сравнению с совершенно невозможной ситуацией: она стоит тут, у двери его дома. А что, если он больше здесь не живет? Или, хуже того, не хочет ни о чем знать?

Люси Даймонд

Что ж, был только один способ это выяснить.

В последний раз пригладив спутанные темные волосы, облизнув пересохшие от страха губы, Фрэнки нервно сглотнула и постучала в дверь. Один раз, другой. Звук оказался почти таким же громким, как стук ее сердца. На мгновение ее охватило острое желание развернуться и убежать, сесть в машину и уехать, отказавшись от смехотворной идеи. Но она тут же представила удивленное лицо Крэйга, если она вернется домой и скажет ему об этом — «Как, ты даже не дождалась, чтобы он открыл тебе дверь?» — и сумела совладать с нервами. Она сложила руки на груди и постаралась справиться с волнением. Сделала несколько глубоких вдохов. Эта встреча не должна была стать битвой, не должна была огорчить ее. Фрэнки будет милой, дружелюбной, спокойной. Если он, конечно, откроет дверь. Если он появится!

За спиной Фрэнки проехала машина, и на улице снова стало тихо. Из дома не доносилось ни звука, и она почувствовала, как страх ослабевает, уступая место разочарованию. Фрэнки снова постучала. Возможно, он на заднем дворе, копается в огороде. Или задремал в шезлонге на террасе, а недочитанная утренняя газета осталась лежать у него на коленях. Возможно, он оглох. Или умер.

— У вас все в порядке, милая? — услышала она голос и, обернувшись, увидела женщину, вышедшую из соседнего дома и деловито открывавшую маленькую голубую «Микру» на подъездной дорожке. На вид ей было за пятьдесят, и она оглядела Фрэнки с головы до ног пронзительным взглядом, как будто предчувствуя неприятности.

— Да, — ответила Фрэнки. — Я ищу Гарри Мортимера. — Ей было странно произносить его имя вслух после всех этих лет, говорить о нем как о реальном человеке,

Кое-что по секрету

а не как о ком-то призрачном, загадочном. — Он все еще живет здесь?

— Гарри? Как же, живет. Хотя сегодня вы с ним разминулись. Несколько часов назад они отправились в сельскую ратушу. — Женщина рассматривала Фрэнки с почти нескрываемым интересом. — Я сама там буду. Ему что-то передать?

Ага, как же. Это будет самый неподобающий поступок на свете.

— Не стоит. Я... Сельская ратуша, вы сказали?

— Да, дорогая, это на Мейн-стрит, напротив «Коп». — Большим пальцем она указала на дорогу. — Вон там, наверху, повернете налево. Дойдете за несколько минут. — Женщина замялась, положив руку на дверцу машины, как будто хотела спросить о чем-то еще.

— Спасибо, — быстро поблагодарила Фрэнки как раз в ту секунду, когда женщина хотела сказать что-то еще, по всей видимости, задать следующий вопрос. — Большое вам спасибо.

Значит, он все еще жив и сейчас в сельской ратуше. «Попался», — подумала она, отправляясь в путь, пока храбрость совсем не оставила ее.

— Прежде всего позвольте мне поприветствовать всех, кто пришел на наш праздник, — сказал Джон Мортимер. — Как приятно видеть столько друзей и членов семьи. Практически все приглашенные смогли сегодня присоединиться к нам, чтобы отпраздновать золотую свадьбу мамы и папы. Это такое счастье для них. Благодарю вас всех за то, что вы стали частью этого торжества и разделите с нами этот особенный день.

Ответом ему стали широкие улыбки, озарившие лица, многие из которых уже разругались благодаря бесплатному бару. В зале было четверо взрослых детей Мортимеров, их четыре внука, многочисленные кузены

Люси Даймонд

и кузины, друзья Гарри по боулинг-клубу и весь вязальный кружок Джини (восемнадцать самоуверенных женщин плюс один худощавый молодой человек, которого они все без конца опекали). Были здесь и малыши, сидевшие у взрослых на руках, и старые школьные друзья, и многие из тех, кого Джини научила музыке за последние четыре десятилетия (хотя многие из них едва ли смогли бы вспомнить хотя бы несколько нот), и несколько бывших коллег Гарри по школе. В гримерке за сценой крепкий мужчина, покрытый густым фальшивым загаром, раздевшись до пояса, приклеивал к груди волосы.

— Как гласит легенда, — продолжал Джон, — мама и папа познакомились на танцах в этом самом зале. Если верить маме, то папа пригласил ее на танец, поспорив с приятелями. — Он замолчал, пережидая, пока стихнет прокатившийся по залу смех. — Если же верить папе, то мама ответила согласием только потому, что все его друзья хихикали у него за спиной и она его пожалела. Так что это не был традиционный сценарий любви с первого взгляда.

Добродушный смех стал громче, а Гарри и Джини расхохотались, заговорщически прижавшись друг к другу.

— Кто бы мог подумать, — продолжал Джон, — что спустя более чем полвека после этого спора мама и папа будут собираться в свое второе свадебное путешествие, не говоря о том, что они отпразднуют пятьдесят лет супружеского блаженства? — Кто-то одобрительно свистнул, и Джон улыбнулся залу. Он уверенно выступал перед публикой. Годы чтения лекций в университете означали, что он умел работать с аудиторией, поддерживать интерес слушателей и вовремя делать акценты.

Солнце врывалось в окна и освещало Джона, словно специально направленный прожектор. Он пришел на праздник в костюме и галстуке, но теперь пиджак уже

Кое-что по секрету

висел где-то на спинке стула, галстук оказался в кармане, рукава рубашки были закатаны, а верхняя пуговица сорочки расстегнута. Но он все равно отлично выглядел. Так считала его жена Робин, смотревшая на него с другого конца зала. Джону исполнилось сорок четыре, но он оставался в прекрасной форме: очаровательный и остроумный, высокий и красивый. Аудитория готова была есть у него с ладони. Чтобы в этом убедиться, достаточно было посмотреть на всех этих женщин, не сводивших с него глаз. Все любили Джона.

— Поэтому сегодня праздник дружбы, любви и радости, которую они приносят, — сказал Джон. — Пятьдесят фантастических лет брака, единства, что бы ни случилось. В этом браке были взлеты. Например, рождение их первого и лучшего ребенка, который стоит сейчас перед вами. — Он замолчал и насмешливо улыбнулся. — Правда, потом родились Пола, Дэйв и Стивен... Что ж, давайте скажем, что у мамы с папой были и непростые времена. Разочарования. — Джон усмехнулся, отмахиваясь от протестующих возгласов своих братьев и сестры. — Как бы там ни было, мама и папа были замечательными родителями, замечательными друзьями, замечательными членами общины, и нам всем они очень дороги. Поэтому прошу вас оказать мне честь, поднять бокалы и присоединиться к моему тосту. За Джини и Гарри.

— ЗА ДЖИНИ И ГАРРИ, — хором отозвались присутствующие еще до того, как Джон раскланялся и спустился со сцены. Один из его братьев тут же сделал вид, будто хочет его ударить, а другой обхватил за шею. Тем временем Пола, их сестра, жестами показывала своим сыновьям-подросткам, что видит, как они допивают вино из оставленных бокалов. (Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы мальчишек не вырвало до конца вечеринки.) Партнер Стивена Эдди незаметно изучал сайт eBay

Люси Даймонд

в своем телефоне (большое количество Мортимеров всегда заставляло его бездумно тратить деньги). Банни, подружка Дэйва, решила нанести на губы очередной слой помады хотя бы только для того, чтобы не дать себе съесть еще что-нибудь. Секрет номер 376 для сидящих на диете, подумала она и, стуча каблуками, пошла по паркетному полу.

Они умели устраивать хорошие праздники, эти Мортимеры. Дни рождения, Рождество, Хэллоуин — назовите любой праздник, и у них уже наготове плейлист для танцев и битком набиты буфеты, все они наряжены и ждут веселья. Иногда вечеринки были тематическими — Голливудский гламур, к примеру, или Запретные удовольствия, — и тогда члены семьи с самым развитым воображением выдумывали невероятные костюмы и парики, а украшения подбирались за несколько недель. Обязательно были танцы. Алкоголь. Торт. Воспоминания. И лишь изредка — ссоры.

Спустя два с половиной часа после начала сегодняшнего праздника атмосфера начала накаляться. Теплый воздух расслаблял, запреты забывались. Бочонок лучшего горького уже закончился, от нескольких галлонов домашнего пива, которые привез Гарри, почти ничего не осталось, на буфете засыхали несколько сэндвичей.

Стол сдвинули к стенам зала, на сцене выступал актер, пародирующий Тома Джонса, в брюках с плиссировкой и распахнутой на груди сорочке, толпа танцующих позабыла обо всем. Все были счастливы, все наслаждались праздником, и чувство глубокого удовлетворения охватило Робин, собиравшую в пакет для мусора измазанные майонезом бумажные тарелки и ставившую в стопки пустые блюда. Ее место было здесь — в этой семье, в этом племени. Она была единственным ребенком матери-одиночки, ее Рождество всегда было ти-

хим, каникулы она проводила в одиночестве, потому что была слишком робкой, чтобы обзавестись друзьями. Поэтому Робин до сих пор иногда хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться в том, что она в самом деле теперь часть этого шумного, живущего стайей клана Мортимеров.

— WNY, WNY, WNYYYY, De-LI-LAH!¹ — взревела толпа, а «Том» откинул голову назад, ожидая, пока допоеет хор, и держа микрофон у пухлых розовых губ. При каждом его движении медальон прыгал по его волосатой груди. Губы Робин изогнулись от удивления, когда она увидела, как Дэйв по-братски обнял Джона и Стивена и все трое принялись покачиваться на месте. Стоявший неподалеку Эдди, уступая им дорогу, округлил от удивления глаза, и Робин не могла не ощутить, до чего они с ним похожи. По ее мнению, люди делились на два типа: тех, кто готов был присоединиться к чему угодно, будь то пение хором, горячие аплодисменты под утихающую музыку или крики «Он сзади тебя!» во время пантомимы; и тех, кто был слишком застенчив и неловок, чтобы понастоящему дать себе волю. Она, к сожалению, всегда принадлежала к лагерю стеснительных людей, была человеком, который с готовностью будет убирать со стола, только бы ее не увлекли на танцпол. Братья Мортимер, само собой разумеется, принадлежали к противоположному лагерю.

И все же так приятно было видеть, что Джон расслабился после нескольких непростых недель на работе. Летний семестр всегда был для него стрессом — экзамены трудны не только для учащихся, — а в этом году студент его факультета покончил с собой в кампусе, и не обошлось без скандала со шпаргалками. Из-за этого Джон в последнее время плохо спал, стал рассеянным и замкнулся в себе. Он умел красноречиво выступить на

¹ Tom Jones — Delilah.

вечеринках и читать прекрасные лекции по строительному делу студентам последнего курса, но не умел говорить о своих чувствах и погружался в мрачное молчание, если ситуация становилась особенно напряженной. Робин надеялась, что пока Джона не ожидают новые трудности.

Тем временем их одиннадцатилетний сын Сэм, высокий и неуклюжий, склонился над своим телефоном у стены, пока его старшие двоюродные братья где-то веселились со своими друзьями. «Иди и пообщайся с ними», — посоветовала ему мать, и он, буркнув «ага» и ссутулившись, отошел от нее. Сэм, казалось, состоявший из одних только локтей и длинных ног, судя по всему, рано столкнулся с подростковой застенчивостью и сразу опускал глаза в пол, стоило только кому-то с ним заговорить. А вот Дейзи, его девятилетняя сестра, в которой не было ни капли робости, стояла среди малышей возле стола с тортом и, бурно жестикулируя, вела какую-то игру с воздушными шарами. Робин догадывалась, что с минуты на минуту ее дочь обрушит на их головы новую информацию о насекомых — это было ее нынешнее увлечение, — которая могла быть совершенно неинтересна всем остальным. Хотя *это* ее обычно не останавливало.

— Му, му, МҮҮҮҮ, De-LI-LAN! — толпа снова поддержала двойника Тома Джонса. — Why, why, WHҮҮҮ, De-LI-LAN!

— «Почему» и есть главный вопрос, — сказала Пола, подходя к Робин с бокалом красного вина в руке. Робин иногда чувствовала себя несколько блеклой на фоне эффектной золовки с ее блестящими темными волосами, уложенными в каре с идеальной челкой, и великолепными бровями. Пола работала агентом по продаже недвижимости в центре города и всегда носила шелковые блузки, облегаяющие юбки и туфли на высоких каблуках,

Кое-что по секрету

на которых Робин начала бы спотыкаться уже спустя пять минут. В этот день на Поле было темно-розовое платье с пышными оборками на талии и серебряная цепочка с подвеской в виде пера. — Почему, почему, почему мама и папа пригласили выступать этого прохвоста с оранжевым лицом? И почему он решил, что это хорошая идея — спеть песню о том, как мужчина убивает женщину, на праздновании золотой свадьбы? Не самый подходящий выбор, правда?

— Ты права, — рассмеялась Робин. — Милашкой его не назовешь.

— Хуже того, он вот-вот споет «Sex Bomb», они все начнут двигать тазом, и у одного из стариков точно начнутся проблемы со спиной. — Пола с комическим отчаянием закатила карие глаза к потолку.

— Я бы сказала, что самые высокие ставки на тетю Пен, — ответила Робин, и они обе хихикнули, глядя на ту, о ком шла речь. Тетя Пен положила одну пухлую руку на дрожащее декольте, а другую подняла вверх и подпевала. — Увидишь, она поставит кому-нибудь синяк под глазом с этими ее жестами.

Пола фыркнула, но тут ее глаза сузились: она увидела, как один из ее сыновей снимает на телефон танцующую двоюродную бабушку.

— Попался, — процедила она. — Ты смотри, маленькие мерзавцы собираются выложить это на YouTube... Эй! — крикнула Пола, торопясь к сыновьям. Ее волосы переливались в свете неоновых огней диско. — Только не это!

Робин смотрела ей вслед и улыбнулась, когда Пола схватила виновного за плечо, словно офицер полиции, производящий арест. Вернувшись к уборке, она было решила, что стоит все-таки доесть последнюю сосиску в тесте, а не обречь ее на упокоение в глубинах мусорного мешка, когда заметила новую гостью на вечерин-